

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'23

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ И ОСНОВАТЕЛИ ПРАЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

N.S. TRUBETZKOY AND THE PRAGUE SCHOOL

Аннотация. Статья посвящена анализу термина «Пражская лингвистическая школа» в связи с деятельностью выдающегося русского лингвиста Н.С. Трубецкого. Отмечается, что распространённая точка зрения, согласно которой научная школа включает в себя противопоставленные друг другу понятия *учитель – ученики* и *основоположник – последователи*, может требовать соответствующей корректировки. Так, хотя Н.С. Трубецкой плодотворно сотрудничал с организаторами Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом и Р. Якобсоном, он не может считаться ни их «учеником», ни их «последователем», что делает необходимым уточнение понятия «основатель научной школы». В ходе аналитического обзора существующих в науке определений научной школы получают обоснование данные положения.

Ключевые слова: научная, школа, основатель, Пражский, лингвистический, фонология, Трубецкой.

Abstract. The present paper analyzes the term 'The Linguistic School of Prague' in connection with the activity of the famous Russian linguist N.S. Trubetzkoy. The usual understanding of the scientific school, that includes the opposed notions 'teacher' / 'pupils' and 'founder' / 'followers', demands sometimes certain correction. Although N. Trubetzkoy cooperated fruitfully with the organizers of the Prague Linguistic Circle V. Mathesius and R. Jakobson, he was neither their 'pupil', nor their 'follower'. So, the necessity of the more precise definition of the notion 'the founder of the scientific school' is postulated.

Key words: scientific, school, founder, Prague, linguistic, phonology, Trubetzkoy.

Начать предлагаемую статью нам представляется целесообразным с напоминания о двух общеизвестных фактах. Первый состоит в том, что название «Пражская лингвистическая школа» прочно вошло в историю науки XX столетия как одно из ведущих (а применительно к Европе, по существу, как ведущее) ответвлений того направления, которое именуется «лингвистическим структурализмом». Расцвет этой школы приходится приблизительно на середину двадцатых – конец тридцатых годов, хотя труды ряда её представителей, в том числе и имеющие

весьма важное значение для нашей науки, появляются и значительно позднее – вплоть до последней трети прошлого века. Второй факт заключается в том, что среди учёных, причисляемых к Пражской лингвистической школе в названный период её существования, наиболее крупной фигурой признаётся именно Николай Сергеевич Трубецкой – русский языковед, большая часть деятельности которого по известным историческим причинам протекала за пределами России. Не лишено интереса то обстоятельство, что в вышедшей в середине 60-х годов коллективной монографии «Основные направления структурализма» использованное известным американским лингвистом Ч. Хоккетом применительно к истории развития фонологических идей словосочетание “the Trubetzkoy phase” передано по-русски как «Пражская фаза» [3, с. 47]. Указанный момент, несомненно, наглядно свидетельствует о том, какую роль отводили автору «Основ фонологии» и современники, и позднейшие исследователи.

Как почти все «общеизвестные факты», сами по себе приведённые положения, вероятно, сомнения вызывать не должны. Но – опять-таки как большинство такого рода «общеизвестных фактов» – они, на наш взгляд, нуждаются в некотором уточнении.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, говоря об интересующем нас явлении, в специальной литературе используют несколько обозначений: «Пражский лингвистический кружок», «Пражская лингвистическая школа», «Пражские лингвисты»... Последнее наименование носит чисто условный характер и не претендует на терминологическую строгость. Очевидно, что в Праге в рассматриваемый период были, вероятно, и лингвисты, не принадлежащие к Пражской школе, а профессора Венского университета Н.С. Трубецкого или работавшего главным образом в Женеве С.И. Карцевского вряд ли можно, строго говоря, называть «пражцами». Что касается двух первых понятий, то здесь дело обстоит несколько сложнее. В большинстве существующих трудов по истории науки они употребляются в значи-

тельной степени параллельно. Так, в работе Т.В. Булыгиной читаем: «Характерной особенностью *Пражской школы* было – во всяком случае, в начале её деятельности – относительное единство взглядов. Возникший в 1926 г. как свободная ассоциация, *Пражский лингвистический кружок* в 1929 г., во время I съезда славистов представлял собой уже дисциплинированную организацию с точными программными тезисами и собственным уставом...» [3, с. 49] (*курсив наш.* – И.Б., Г.Х.).

И здесь можно вспомнить ещё одно обстоятельство. Известно, что самоназванием данной группы языковедов было именно слово «Кружок», тогда как наименование «Школа» пришло, во-первых, относительно поздно, а во-вторых – “извне”: считается, что его впервые употребил в 1932 г. на Первом фонетическом конгрессе в Амстердаме тогдашний секретарь Международного комитета лингвистов Й. Схрейнен.

Думается, что указанное обстоятельство вряд ли может считаться случайным. Понятие школы в истории науки вообще и в истории языкознания в частности считается одним из самых распространённых и в методологическом отношении одним из самых значимых. Однако знакомство с существующими по этому поводу мнениями и суждениями свидетельствует о том, что трактуется оно далеко не всегда однозначно. Уже более тридцати лет назад указанное обстоятельство неоднократно отмечалось в специальной литературе, о чём, в частности, писал С.В. Смирнов: «... До сих пор понятие научной школы в языкознании ещё не приобрело строгого терминологического значения, нигде чётко не определено, а его дифференциальные признаки остаются невыясненными» [9, с. 137].

Так, в семидесятые годы прошлого столетия С.Б. Бернштейн утверждал: «О школе мы можем говорить в том случае, если группу учёных объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфическим сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии» [2, с. 137].

Конкретизируя в определённой степени предложенную дефиницию, С.В. Смирнов отмечал, что «в термине «научная школа» слово «школа» предполагает учителя и учеников, а слово «научная» – выработку теории или поиски решения определённой проблемы». В связи с этим он предлагал разграничивать два вида школ – научно-образовательную и научно-исследовательскую. Различие между ними усматривается в следующем.

«1. Научно-образовательная школа. Её задача – перевод личного знания в групповое, т. е. подготовка людей, без которых невозможно сохранение научных традиций, передача знаний и тем самым существование самой науки. Для этой школы характерен один тип отношений: учитель – ученики. <...>

2. Научно-исследовательская школа. Это объединение учёных вокруг лидера для выполнения определённой научно-исследовательской программы. Здесь к отношению «учитель – ученики» ещё добавляется отношение «основоположник – последователи» [9, с. 138–139].

Несколько по-иному расставлены акценты в более поздней статье В.В. Колесова: «Под научной школой понимают обычно исторически сложившиеся формы организации научного творчества в рамках объединённого коллектива, объединяемого общностью – генетически «учителя» или социально – лидера с общими методологическими установками, общностью терминологии и стиля работы, с преимущественным интересом к определённому предмету изучения, порождающему «идеи», и к определённому объекту исследования, совместно представляющим собою междисциплинарное «сгущение идей» с выходом в полноценную и перспективную теорию.

Научная школа прежде всего именно «школа», в которой «учат», явление научно-образовательного характера <...> Научность школы определяется установкой на *систему* доказательств, обосновывающих её ценностные ориентиры, но воплощённых в авторитете учителя или лидера...» [5, с. 393].

Чаще всего научную школу соотносят с другим историко-научным понятием – на-

учного направления. Как правило, различают их в первую очередь по объёму понятия: первое понимается как видовое, второе – как родовое. Так, в цитированной выше работе С.В. Смирнова подчёркивается, что «понятие «научного направления» значительно шире понятия «научная школа»: «Оно... обычно возникает тогда, когда принципы и идеи, выдвинутые научной школой или отдельным учёным, получают широкое распространение, выходят за рамки данной школы, даже становятся общенаучным фондом... Принципы Пражской школы положили начало функциональной лингвистике» [9, с. 145]. Указанный критерий применяется и в работе В.В. Колесова, хотя, если можно так выразиться, «с обратным вектором»: ««Направление» выработало метод, школы сосредоточились на различных аспектах постижения объекта (объектов)» [5, с. 395].

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренные нами авторы (как и большинство других), говоря о научной школе (проблема научного направления выходит за рамки настоящей статьи), выделяют, как правило, следующие основные моменты: общность научных принципов, находящая своё отражение в соответствующих организационных формах, с одной стороны, и наличие признанного лидера («учителя»), с другой.

Правда, в процитированном определении В.В. Колесова названные ипостаси разводятся по принципу «генетически – социально», однако и в том и в другом случае «ценностные ориентиры» предполагаются воплощёнными именно в личности «Учителя» или основателя.

В большинстве случаев подобная постановка вопроса представляется вполне оправданной. Несомненно, именно так обстояло дело, скажем, в Московской лингвистической школе – для большинства принадлежащих к ней учёных авторитет «учителя и основоположника» Ф.Ф. Фортунатова был незыблем. (Правда, как показал посмертно изданный «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова, его крупнейший и любимейший ученик к концу жизни весьма существенно разошёлся

ся с грамматической концепцией учителя.) Аналогичной, вероятно, была и ситуация с американским дескриптивизмом, где роль Л. Блумфилда как «учителя» и «основателя» вряд ли может подвергаться сомнению.

Однако, если попытаться применить названные критерии к интересующей нас проблеме, касающейся термина «Пражская лингвистическая школа», с одной стороны, и принадлежности к ней Н.С. Трубецкого – с другой, то ситуация здесь представляется несколько иной.

Правда, по первому отмеченному выше моменту («организация научного творчества в рамках объединённого коллектива») каких-либо вопросов, вероятно, возникать не должно. Достаточно напомнить процитированные выше слова Т.В. Булыгиной о «дисциплинированной организации», в уставе которой, к тому же, было сказано, что деятельность её членов, «которая развивалась бы не в соответствии с программой структурного и функционального исследования, повлекла бы за собой исключение его из организации» [3, с. 49]. То, что деятельность Н.С. Трубецкого не только развивалась «в соответствии с программой структурного и функционального исследования», но и в значительной степени формировала эту самую программу – факт общеизвестный и особых доказательств не требующий.

Однако со вторым моментом, на наш взгляд, дело обстоит сложнее. В первую очередь, возникает вопрос о том, насколько применима к деятельности Н.С. Трубецкого не только схема «учитель – ученики», но и оппозиция «основоположник – последователи».

И здесь приходится отметить определённую специфику, присущую интересующему нас феномену. Создателем Пражского лингвистического кружка (его «хозяином», по выражению А.А. Реформатского [8, с. 328]) единодушно и вполне справедливо признаётся выдающийся чешский лингвист В. Матезиус. Сошлёмся в этой связи на слова Вяч. Вс. Иванова: «Пражский лингвистический кружок был основан 6 октября 1926 г. В этот день крупнейший чешский лингвист и лите-

ратуровед В. Матезиус пригласил участников Кружка на доклад Беккера, посвящённый сходству языков европейского культурного круга» [4, с. 9]. Само это понятие, как было показано выше, часто не разграничивается (во всяком случае, достаточно чётко) с понятием Пражской лингвистической школы. Так, у Н.А. Кондрашова можно найти формулировку: «ПЛК, выработавший основные теоретические положения Пражской школы в области фонологии и грамматики...» [6, с. 5]. С другой стороны, одним из организаторов Кружка называют и Р.О. Якобсона: «Пражский лингвистический кружок... возник в 1926 г. по инициативе чешского англиста и специалиста по общему языкознанию Вилема Матезиуса и слависта Р. Якобсона, работавшего тогда в Праге» [6, с. 5]. При этом отмечается, что последним в определённой степени был использован и опыт Московского лингвистического кружка, перенесённый на новую почву. Думается, нет необходимости доказывать, что первая оппозиция («учитель – ученики») к деятельности Трубецкого вообще неприменима – при всей плодотворности контактов с упомянутыми коллегами их «учеником» он никак не являлся, да и о научном «лидерстве» по отношению к нему В. Матезиуса или Р.О. Якобсона вряд ли может идти речь.

Вероятно, не приходится здесь говорить и о второй оппозиции – «основоположник – последователи». Напомним, что в своём крупнейшем труде – «Основах фонологии», давая краткий обзор формирования фонологической теории и называя в связи с этим Пражский лингвистический кружок, Трубецкой упоминает имена В. Матезиуса и Р. Якобсона среди «ревностных сторонников новых идей» [11, с. 11], но отнюдь не как «основоположников» своей концепции.

Аналогично обстоит дело и с ещё одним критерием, который называют при характеристике научной школы: «последователи должны придерживаться программы лидера, развивая и дополняя её» [9, с. 140]. В разработке той программы, которая сформулирована в знаменитых «Тезисах Пражского

лингвистического кружка», активное участие принял и сам Н.С. Трубецкой, и, следовательно, по отношению к Пражской школе (не кружку!) он, наряду со своими коллегами Р.О. Якобсоном и С. Карцевским, вправе сам претендовать на статус «основоположника». Правда, о С.И. Карцевском многие представители Пражской школы утверждали, что он «принадлежал скорее к Женевской, чем к Пражской школе» [10, с. 162]. Впрочем, и при рассмотрении места С. Карцевского среди учёных Женевской школы тоже нередко указывают, что относить данного учёного к ней можно лишь «с сильными оговорками» [1, с. 166].

В этой связи заслуживает внимания то обстоятельство, что в своё время А.А. Реформатский, касаясь данного вопроса, заметил: «В конце 20-х – в 30-х гг. в недрах кружка сложилась Пражская школа структуральной лингвистики *и (курсив наш. – И.Б., Г.Х.)* пражская фонология. Лидером этой фонологии, бесспорно, был Трубецкой. Ему принадлежит и большинство опубликованных фонологических работ, он же подвёл итог этому направлению в своих «Основах фонологии», изданных уже посмертно» [8, с. 328].

По точному смыслу процитированного фрагмента можно было бы заключить, что для А.А. Реформатского Пражский лингвистический кружок являлся своего рода исходным пунктом, давшим начало двум близким, но всё же – как показывает союз *и – разным* школам (структуральной и фонологической), каждая из которых могла иметь своего «лидера». Однако, как известно, сам В. Матезиус недвусмысленно утверждал: «Плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков» [7, с. 82–83]. А это уже приводит нас к несколько иному пониманию – о развитии «в недрах Пражского лингвистического кружка» структурной лингви-

стики, в первую очередь, на базе фонологии. Сказанное, конечно, не отрицает других сторон деятельности лингвистов, относимых к Пражской школе, но речь всё-таки, наверное, идёт о едином научном феномене, формирование которого действительно связано с именами В. Матезиуса и Р. Якобсона, а наиболее выдающиеся достижения – с Н.С. Трубецким (чей вклад, как известно, не ограничивался только фонологическим аспектом).

Таким образом, резюмируя сказанное, можно констатировать следующее. Считаемся одним из наиболее важных по отношению к категории «научной школы» понятие «основоположника» далеко не всегда может быть истолковано однозначно, поскольку здесь зачастую приходится различать, идёт ли речь о собственно организационной стороне или о научном творчестве. Наиболее выдающиеся достижения той или иной научной школы могут быть связаны и с теми учёными, которые отнюдь не претендовали на роль «основоположников» в указанном выше смысле. Именно так, на наш взгляд, обстоит дело с Н.С. Трубецким, когда речь идёт о Пражской лингвистической школе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
2. Бернштейн С.Б. К вопросу о научных школах и направлениях в языкознании // Общее и романское языкознание. Сборник статей в честь 60-летия Р.А. Будагова. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 137–143.
3. Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. – М.: Наука, 1964. – С. 46–126.
4. Иванов В.В. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 5–29.
5. Колесов В.В. История русского языкознания. Очерки и этюды. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – 472 с.
6. Кондрашов Н.А. Предисловие // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 5–16.
7. Матезиус В. Задачи сравнительной фонологии // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 70–83.

8. Реформатский А.А.Н.С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 326–361.
9. Смирнов С.В. О понятиях «научная школа» и «научное направление» в истории языкознания // Учёные записки Тартуского государственного университета. Выпуск 573. Из истории славяноведения в России. Труды по славянской и русской филологии. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1981. – С. 136–147.
10. Трнка Б. и др. К дискуссии по вопросам структурализма // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 155–166.
11. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.